

Рудольф Роккер

**Абсолютистские
представления в социализме**

I.

Наше представление о глубинных причинах сегодняшней мировой катастрофы было бы неполным, если бы мы не замечали роли, которую сыграли современный социализм и современное рабочее движение в приготовлении сегодняшней культурной трагедии. С этой точки зрения духовные устремления социалистического движения в Германии приобретают особое значение в виду его многолетнего влияния на социалистические рабочие партии Европы и Америки.

Современный социализм был, собственно говоря, только естественным продолжением великих либеральных течений мысли 17-ого и 18-ого столетий. Либерализм нанёс системе княжеского абсолютизма первый смертельный удар и перевёл общественную жизнь в другие русла. Его духовные носители, усматривавшие в наивысшей степени личной свободы рычаг всякого культурного сотворения, и хотевшие ограничить деятельность государства узкими границами, открыли этим самым человечеству новые горизонты будущего развития, которое необходимым образом должно было вести к преодолению всех властно-политических устремлений и к умелому управлению общественными делами, если бы их экономические познания развивались в той же степени, что политические и социальные. Но этого, к сожалению, не произошло.

При постоянно ускоряющемся влиянии осуществляющейся во всё более быстром темпе монополизации всех естественных и созданных общественным трудом богатств развилась новая система экономического подчинения, которая влияла на все изначальные устремления либерализма и настоящие устои политической и социальной демократии всё более роковым образом, и должна была вести по своей логике к тому новому абсолютизму, который сегодня нашёл полное и прискорбное выражение в образе тоталитарного государства.

Социалистическое движение могло оказать сопротивление этому развитию событий, если бы оно в своём подавляющем большинстве не было втянуто в водоворот этих событий, чьи разрушительные последствия вылились сегодня во всеобщую культурную катастрофу. Оно могло стать исполнителем завещания либеральной мысли, тем, что оно могло придать ей борьбой с экономическими монополиями и своим стремлением сделать общественное производство полезным для всех, позитивную основу. Этим экономическим дополнением политического и социального идейного движения либерализма оно могло стать могущественной частью сознания людей и носителем новой общественной культуры в жизни народов. Действительно, такие люди как Годвин, Оуэн, Томпсон, Прудон, Пи-и-Маргаль, Пизакане, Бакунин, Гильом, Де Пап, Реклю, а позднее Кропоткин, Малатеста и другие понимали социализм в этом смысле. Подавляющее же большинство социалистов с невероятной слепотой боролось со свобододобивыми идеями либеральной картины общества, и видела в них только политический осадок так называемого «манчестерства».

Таким образом, вера во всемогущество государства, которая получила от либеральных течений мысли 18-ого и 19-ого веков чувствительный удар, снова воспрянула и была планомерно усилена. Примечательно, что представители авторитарного социализма в борьбе с либерализмом часто одалживали оружие в оружейной камере абсолютизма, при этом большинству из них это и не приходило в голову. Многие из них, в особенности представители германской школы, которые позднее получили столь огромное влияние на всё социалистическое движение, ходили в школу к Гегелю и Фихте и другим представителям абсолютистской государственной идеи. Другие находились под столь сильным влиянием наследства французского якобинства, что могли представить себе переход к социализму только в виде диктатуры, другие же верили в социальную теократию или в социалистического Наполеона, который должен был спасти мир.

Ещё более вредным суеверием было представление об «исторической миссии пролетариата», который по Марксу с природной закономерностью должен был стать «могильщиком буржуазии». Слово «класс» — в лучшем случае социологическое разделяющее понятие, которое можно допустить при определённых условиях, но ни Маркс, ни кто-либо другой не был до сих пор способен указать для этого понятия жёсткую границу. С классами как с расами: никогда не знаешь, где заканчивается одна и начинается другая. В так называемом пролетариате столько же социальных прослоек, сколько в буржуазии и во всякой другой прослойке народа. Самое же вредное заблуждение — наделять класс определёнными историческими задачами и желать сделать его носителем известных идейных течений. Если бы можно было доказать, что люди, рождённые и выросшие при определённых экономических условиях, в своём мышлении и действии отличались бы от всех других общественных групп, то нам и не надо было бы заниматься такими вещами, т.к. с очевидными фактами надо просто примириться. Но именно тут и зарыта собака. Принадлежность к определённому слою населения не даёт ни малейшей гарантии о мышлении и действии человека. Только тот факт, что почти все великие пионеры социалистической мысли произошли не из пролетариата, а из так называемых правящих классов, должен уже заставить нас задуматься над этим. Среди них можно найти аристократов как Сен-Симон, Бакунин и Кропоткин, офицеров армии как Консидеран, Базар, Пизакане и Лавров, предпринимателей как Фурье, фабрикантов как Оуэн и Энгельс, священников как Мелье и Ламеннэ, учёных мужей как Уоллес и Дюринг и интеллектуалов всех мастей как Блан, Кабе, Годвин, Маркс, Лассаль, Гатридо, Пи-и-Маргаль, Гесс и сотни других.

Приверженцы учения об «исторической миссии пролетариата» могут утешаться тем, что фашизм является всего лишь движением среднего класса, это ничего не меняет в том факте, что почти 14 миллионов избирателей, которые проголосовали в Германии за Гитлера, происходили большей частью

из пролетариата. Именно в такой стране как Германия, где марксистское учение нашло такое широкое распространение, это важно вдвойне. Если такие идейные представители старого абсолютизма как Гоббс, Макиавелли, Боссюэ и т.д. принадлежали лагерю духовного правящего слоя, в то время как такие носители нового абсолютизма как Муссолини, Сталин и Гитлер поднялись из нижайших слоёв, то именно это показывает лучше всего, что ни революционные, ни реакционные идеи не привязаны к определённым народным группам.

Приверженцы экономического детерминизма и учения об «исторической миссии пролетариата» утверждают, что в их случае речь идёт не об обыкновенных убеждениях, но о внутренней необходимости природного процесса, который происходит независимо от человеческого хотения, но это и есть то, что сначала нужно бы доказать. И это убеждение является только спекуляцией, верой, как и все прочие, в которой желание является отцом мысли. Вера в механическое исполнение всех исторических происшествий по причине необходимого процесса, обоснованного в природе вещей, причинила социализму больше всего вреда, т.к. она разрушила все этические предпосылки, которые как раз являются необходимыми для социалистической мысли. Абсолютизм мысли всегда ведёт при определённых исторических обстоятельствах к абсолютизму действия. На счёт этого новейшая история как раз преподнесла нам наглядный урок.

II.

Среди великих борцов социалистической идеи Прудон был одним из немногих, кто особенно глубоко обозначил историческое значение социализма. Его идейное влияние на социалистическое движение латинских стран до сих пор не ослабело и осталось значительным источником новых импульсов и возможностей развития. С огромным остроумием он понял, что дело Французской Революции было сделано только на половину; что задачей «революции 19-ого века» должно быть продолжение и завершение этого дела, чтобы перевести социальное развитие Европы на новые пути. Ибо в том заключается огромное значение Великой Революции, что она положила монархической опеке конец и открыла народам путь, возможность взять свою социальную судьбу в собственные руки, после того, как они столетиями должны были служить княжескому абсолютизму как безвольные стада и укреплять его существование своей работой.

Поставленная временем задача была вернее узнана Прудоном, чем кем-либо из его современников. Великая Революция хотя и упразднила монархию как политический и социальный институт, но ей не удалось упразднить вместе с ними «монархическую идею», как это называл Прудон, которая снова просыпалась к жизни в политической централизации якобинства и в идеологии национального единого государства. Это роковое наследие, которое досталось нам из ускользнувшего времени и сегодня получило выражение в «фюрерском

принципе» тотального государства, которое является всего лишь переформулировкой старой монархической идеи.

Прудон понял, что абсолютизм, этот вечный принцип попечительства ради богожеланной цели, закрытой от любых человеческих претензий, больше всего заслоняет людям путь в их духовных устремлениях к более высоким формам их общественного бытия. Для него социализм не был просто вопросом экономики, а вопросом культуры, которая охватывала все области человеческого действия. Он знал, что авторитарное наследие монархии нельзя просто устранить в одной области и сохранить во всех других, если люди не хотят, чтобы вопрос социального освобождения попал в руки новому деспотизму. Для него экономическая эксплуатация, политическое подавление и духовная связанность были только различными проявлениями одной и той же причины. Прудон видел в монархии символ всего человеческого порабощения. Она была для него не просто политическим институтом, но социальным состоянием с определёнными неизбежными духовными и душевными явлениями, которые равно проявляют себя во всех областях общественной жизни. В этом смысле он называл капитализм «монархизмом экономики», который починяет работу капиталу подобным же образом, что и общество государству или дух церкви.

«Экономическое понятие капитала», говорит Прудон, «политическая идея государства или авторитет и теологическая идея церкви являются идентичными представлениями, которые взаимно друг друга дополняют и растворяются друг в друге. Поэтому нельзя бороться с одним, а другие оставлять неприкосновенными. Этот тот факт, насчёт которого все философы сегодня соглашаются друг с другом. Что сегодня капитал делает с работой, то же государство делает со свободой и церковь с духом. Это триединство абсолютизма столь же роковое на практике, как и в философии. Чтобы эффективно угнетать народ, нужно заковать его тело, его волю и его рассудок в цепи. Если социализм имеет намерение раскрыться в этой исчерпывающей, всесторонней и очищенной от всякого мистицизма форме, то ему стоит лишь внести в сознание народа значение этого триединства».

Исходя из этого открытия, Прудон видел в развитии современного крупного государства и в постоянно растущем влиянии экономического монополизма огромную опасность для будущего Европы, которой он пытался избежать сознательной и основанной на опыте подготовкой федерации свободных сообществ на фундаменте равных экономических возможностей и взаимных договоров. Он точно знал, что это новое состояние людей и вещей не придёт на следующий день, но что сначала следует подготовить людей конструктивными действиями и мыслями к лучшим познаниям. Только так было возможно придать их устремлениям определённое направление, чтобы они собственными силами могли противостоять опасности, которая надвигалась.

Всякая попытка уничтожить властно-политические устремления в обще-

ственном организме и установить для экономического монополизма более узкие рамки была для Прудона важным шагом на пути социального освобождения. Всё, что сопротивлялось этой великой цели и сознательно или несознательно помогало усиливать духовный, экономический или политический монархизм с помощью новых претензий на власть, помогало лишь увековечиванию круговорота слепоты и расчищению дороги общественной реакции, даже если это и свершалось под претенциозным именем Революции.

Подавляющее большинство социалистов вообще никогда не утруждались тем, чтобы углубиться в идеи Прудона, чьи работы большинству неизвестны также как тезисы пифагорейцев или теория единства Вселенной. Всё, что они поверхностно о нём знают, это его учение о «свободном кредите» и его попытка создания «народного банка», которая никогда не была закончена благодаря вмешательству французского правительства. И даже эти знания были преподнесены через искажённую картину, которую сделали из них марксистские писаки, и из которой можно вполне получить впечатление, что Прудон был обыкновенным шарлатаном, который подобно базарным крикунам всю свою жизнь не знал, чем заняться, кроме как нахваливать бедным людям своё средство от всех социальных напастей.

На самом же деле, среди всех старых социалистов Прудон был как раз тем, кто самым упорным и решительным образом боролся с верой в панацею против всех общественных недугов. Он знал, что задача, которая стояла перед социализмом, не была гордиевым узлом, который можно разрубить одним ударом меча. Именно поэтому он не доверял универсальным средствам, которыми некоторые полагали, что могут достичь всеобщего изменения социальных учреждений одним махом. Его остроумная и убедительная критика всех социалистических направлений того времени является тому красноречивым доказательством.

Прудон был человеком без твёрдо установленных целей, т.к. он был абсолютно в том убеждён, что настоящую сущность общества следует искать в вечном изменении его форм, что она более всего расцветает, чем меньше искусственных рамок ему ставят, и чем более осознанное и активное участие люди в этом изменении принимают. В этом смысле он однажды сказал, что общество похоже на часовой механизм, который обладает своим собственным колебанием маятника и не нуждается в посторонней помощи, чтобы оставаться в движении. Социальное освобождение было для него путём, не целью, т.к. он разделял мнение Ибсена: «Кто обладает свободой иначе, как чем-то, к чему стоит стремиться, тот обладает ею мёртвой и бездушной, т.к. понятие свободы как раз обладает свойством постоянно расширяться по мере присвоения. Когда некто останавливается посреди боя и говорит: Теперь она моя! – именно этим он показывает, что он её потерял». С этой точки зрения и надо оценивать практические попытки Прудона. Они были порождены условиями того времени и могут быть объяснены и поняты только через них. Как у каждого

мыслителя, чьи труды уже принадлежат прошлому, так и Прудона есть кое-что, что устарело, не задев этим творческое значение труда всей его жизни. Это, наоборот, как раз удивительно, сколь многое из его труда осталось живым и именно через современное состояние мира снова обретает значение.

Прудон, который охватил сущность государства лучше, чем многие его социалистические современники, не питал ни малейшей иллюзии на счёт неизбежных последствий всех властно-политических устремлений, неважно, в какой форме они выражаются и с какой стороны они исходят. Поэтому ему был абсолютно ясен истинный характер всех политических партий, и он был твёрдо убеждён, что от них не может исходить какой-либо творческой работы для истинного социального изменения. Поэтому он предупреждал социалистов не блуждать по волнам властно-политических стремлений и пытался объяснить им, что как только социализм попадёт в руки правительству, он сыграл свою роль и проиграл реакции.

«Все партии, без исключения», говорил он, «являются, тем, что они стремятся к общественной власти, только особенными формами абсолютизма. Не будет никакой свободы для граждан, никакого порядка в обществе, никакого единства между рабочими, пока в нашем политическом катехизисе на место опеки не заступит отказ от авторитета».

Прудон был почти единственным из старых социалистов, объявившим войну всем готовым системам, т.к. он осознал, что условия социальной жизни являются слишком многочисленными и разнообразными, чтобы можно было впихнуть их в одну определённую форму, не применяя к обществу насилия и не подменяя старой формы тирании новой. Поэтому его нападки были направлены не только против носителей актуального общественного порядка, но и против так называемых «освободителей», которые только хотели поменяться местами со старыми властью имущими, и обещали массам луну с неба, чтобы ещё проще использовать их в своих личных честолюбивых целях. Как свободно мыслил Прудон в этом отношении, становится ясно из его письма Карлу Марксу, которое содержит следующий показательный абзац:

«Попытаемся вместе, если Вам угодно, искать законы общества, установить формы их проявления, и идти по пути, который мы расчищаем, когда мы занимаемся этой работой. Но, во имя Господа, не станем думать с нашей стороны о том, чтобы снова поучать народ, после того, как мы *argiori* разрушили весь догматизм, не ударимся в противоречия Вашего земляка Мартина Лютера, который, после того, как он опрокинул столпы веры католической теологии, с ещё большим жаром и более частым употреблением анафем и проклятий занялся строительством протестантской теологии. На протяжении трёх сотен лет Германия занята тем, что пытается оправиться от этой реставрации старого здания господином Лютером. Не станем ставить перед людьми новой сумятицей и новой полировкой старых фундаментов новые задачи. Я от всего сердца приветствую Вашу мысль, дать выражение всем актуальным мнениям.

Пустимся же прилежно в дружескую и честную дискуссию, подадим миру пример мудрой и предусмотрительной терпимости, не станем пытаться встать во главе движения, становиться князьями новой нетерпимости. Не станем выдавать себя за апостолов новой религии, даже тогда, когда это религия логики и рассудка. Примем и придадим мужества протесту, пристыдим всякую исключительность, всякий мистицизм. Никогда не станем рассматривать какой-либо вопрос как исчерпанный, и если мы исчерпали свои последние доводы, давайте начинать с честностью и иронией сначала. На этих условиях я с удовольствием присоединюсь к Вашей организации. Если нет, то нет».

Это письмо от 17-ого мая 1846 года важно вдвойне. Оно показательно для открытого и мужественного характера Прудона и его глубокого презрения к догматизму и всяческому сектантству, и оно важно, т.к. оно явилось непосредственной причиной разрыва между Марксом и Прудоном. Прудон был одиноким мыслителем, которого не только не понимали его демократические и социалистические противники, но и зачастую его последователи, которые путали определённые практические предложения Прудона, рождённые условиями времени, с настоящим трудом его жизни. Его обширная переписка (14 томов) содержит неисчислимы пояснения его идей, из которых это ясно следует и является незаменимым в изучении его трудов. Взгляд Прудона был слишком строго направлен на глубокие внутренние взаимосвязи социальных проявлений, чтобы он мог что-то сказать слепым хранителям якобинского наследия, которые ожидали благодати от диктатуры. Среди старых социалистов он был одним из немногих, кто продолжал вести дальше политические идеи либерализма, и тем, что он пытался придать им экономическую основу, додумывал их до конца.

Показательно, что именно представители марксистской школы пытались доказать предполагаемый «утопизм» Прудона тем, что они с нескрываемым злорадством постоянно указывали на то, что чудовищное усиление централизованной государственной власти и постоянно растущее влияние современных экономических монополий ясно доказывают отсталость устремлений Прудона. Как если бы факт этого развития хоть что-то изменил в самой идее. Точно так же можно сегодня утверждать, что учение о так называемой «исторической миссии пролетариата» благополучно привело нас сегодня к фашизму и власти Третьего Рейха.

Прудон ясно предвидел неизбежные последствия развития в том направлении и не оставил неиспробованным ни одного средства, чтобы донести весь размер опасности до сознания своих современников. Он, больше чем кто-либо, приложил всё своё умение к тому, чтобы подтолкнуть людей на другой путь, чтобы избежать угрожающей катастрофы. Что его предупреждение было заглушено ветром, а его слово безрезультатно утонуло в грохоте партийно-политических страстей, во истину, не является его виной. Всё экономическое, политическое и социальное развитие, в особенности после французско-гер-

манской войны 1870-71 гг., показывает нам с пугающей ясностью, как прав он был со своей оценкой общего положения. Именно сегодня, когда мы на всех парусах несёмся к новому периоду политического и социального абсолютизма, где современный коллективный капитализм с брутальным презрением всяких человеческих рассуждений растаптывает последние остатки экономической независимости и крик о диктатуре столь ясно выражает духовную незрелость времени, именно сегодня видно в полном объёме значение труда жизни Прудона.

Прежде всего, сегодня видно, что социальное освобождение не является просто экономической проблемой. И полное уравнение^{1*} экономических сил не даёт уверенности в настоящем и всестороннем освобождении человека. Она может даже при обстоятельствах привести к ещё большему порабощению, чем то, при котором мы жили до сих пор. Слепая вера многих социалистов, что с национализацией экономики может быть решён социальный вопрос, покоится на абсолютном непонимании задачи, стоящей перед социализмом. Экономические процессы в так называемых тотальных государствах и в особенности наглядный урок, который преподала нам «пролетарская диктатура» в России, показали нам слишком ясно, что национализация экономической жизни идёт рука об руку с полным отрицанием всех личных прав и свобод, даже должна идти, т.к. она помогает прийти к власти бюрократически организованной иерархии, чьё влияние как правящего класса не менее вредно для рабочего народа, чем роль имущих классов в капиталистических странах, и даже намного превосходит оные в своём духовном, физическом и моральном влиянии. Экономическое равенство тюрьмы или казармы, наверняка, не является подходящим примером для более высокой социальной культуры будущего. И в этом смысле Прудон может считаться пророком, когда он предсказал, что объединение социализма и абсолютизма должно будет привести к самой большой тирании всех времён.

III.

Это была не в последнюю очередь враждебная свободе черта в стане социализма, которая неосознанно и непреднамеренно помогла расчистить путь фашистскому представлению тотального государства. Факт, что так называемая «диктатура пролетариата» в России первой воплотила в жизнь идею тотального государства, которое позднее послужило Муссолини и Гитлеру во многих аспектах примером. Оппозиция в коммунистическом лагере, приверженцы Троцкого и другие отколовшиеся группы даже открыто признали позже, что сталинизм является первопроходцем фашистской реакции в Европе, они забыли при этом только самое важное, собственно то, что Ленин и Троцкий

¹ Уродливое слово «уравнение», происходящее из жаргона нацистов, использовалось ещё до возникновения Третьего Рейха вождями профсоюзов и социалистами в Германии. В таких модных словечках слишком часто отражается способ мышления.

подготовили путь для Сталина. Здесь важна не личность диктатора, а установление диктатуры как таковой, из которой исходит зло и которая по своей природе не может быть чем-либо иным, как подготовителем новой социальной реакции, даже если социализм и освобождение пролетариата служат ей фиговым листком, чтобы скрывать её истинный характер.

Несомненно, это было роком для развития социалистического движения, что оно уже в своей начальной стадии попало под сильное влияние авторитарных идей того времени, которые остались в якобинском наследии Великой Революции и после долгого периода наполеоновских войн. Возможно, это было неизбежным, т.к. каждая историческая эпоха из самой себя порождает определённый образ мышления, избежать влияния которого под силу лишь немногим, т.к. они слишком сильно срослись с общественными условиями времени.

Когда Вильям Годвин написал в 1793 году свою «Политическую справедливость», народы ещё находились под впечатлением великих событий во Франции и были восприимчивы ко всякой новой идее в области политической и социальной жизни. Это также было причиной, почему либеральные идеи Ричарда Прайса, Джозефа Пристли и особенно Томаса Пэйна имели тогда такое оживляющее воздействие на духовно подвижные части английского народа, чьё влияние было заметным даже долгое время, когда реакция как следствие войны против Французской Республики пожирала всё вокруг себя и пыталась положить конец всем свободолюбивым устремлениям. Духовное развитие двигалось тогда по восходящей линии и ещё не потеряло своего внутреннего размаха из-за больших разочарований последующих лет.

Но условия значительно изменились, когда Сен-Симон, Фурье и Оуэн выступили со своими планами по изменению социальной жизни. У Сен-Симона эти планы получают только после 1817 года собственно социалистический характер, в то время как Фурье ещё при первой Империи развил свои социалистические идеи в труде «Теория четырёх движений» (1808). Но оба приобрели только после свержения Наполеона достойное упоминания количество приверженцев, когда тень Священного Альянса уже сгустилась над Европой. В то же время Роберт Оуэн выступил перед общественностью со своими планами социальных реформ. В последующие три десятилетия как по ту, так и по эту сторону канала возник целый поток мыслей, которые занимались общественными вопросами времени и считали, что могут их решить основательным переустройством экономических условий.

Но все эти устремления проявили себя только тогда, когда Европа едва оставила позади одну из самых трудных и штормовых эпох в своей истории, чьи духовные и материальные воздействия были заметны ещё долго. Штормы Великой Революции, которые пошатнули глубочайшие устои европейского общества, отшумели. Осталась лишь война, которая была начата в 1792 году, и которая превратила важнейшие страны континента на 23 года с небольшо-

ми перерывами в поле боя. Побледили даже нимб и военное всемогущество кайзеровской империи, которая проглотила шесть миллионов человеческих жизней и оставила после себя полностью истощённые народы. Во всех странах царила страшная нищета, безработица и полнейший развал экономики. Великое малодушие снизошло на людей и сделало их неспособными к дальнейшему сопротивлению. Пылкий энтузиазм, который однажды вызвал штурм Бастилии во всех странах, давно улетучился. Теперь и последние надежды, которые вкладывались в свержение Наполеона, были сломлены открытым нарушением обещаний князьями и уступили место новой сдаче неизбежному. Люди были так измотаны, что были в то время неспособны к новому подъёму.

Это была эпоха физического истощения и духовной деморализации, с которой история нашего времени имеет много общего, и о которой мы по причине нашего собственного опыта, можем судить много лучше, чем по учебникам истории. Как в наше время русская революция, с воодушевлением приветствуемая социалистическими рабочими всего мира, выродилась под диктатурой большевиков в бездушный деспотизм, который подготовил путь фашистской реакции, так террор якобинцев задушил своими бессмысленными массовыми бойнями могучее эхо, которое революция нашла сначала во всей Европе, и освободил дорогу сабельной диктатуре Наполеона, чьё политическое наследство позднее досталось Священному Альянсу. И как мировые войны 1914-18 и 1939-1945 гг. и их неизбежные побочные явления полностью истощили Европу и вылились в долгий экономический кризис чудовищного размаха, так проклятые войны при Республике и затем при Наполеоне так основательно разрушили экономическое равновесие Европы, что долгое время ничего не могло процветать кроме массовой нищеты и безграничной разрухи. В обоих случаях разочарование масс и экономическая нестабильность привели к международной реакции, которая не ограничивалась просто деятельностью правительств, а нашла отражение во всех областях общественной жизни. Характер этой реакции был, конечно, соответственно обстоятельствам времени различен в оба периода, но их духовные влияния вели к одинаковым последствиям.

Без войны социальные преобразования во Франции происходили бы, с большой вероятностью, в другом направлении, и не дали бы утвердиться диктатуре одной партии. Фактом является то, что сначала все партии, за исключением ничтожного меньшинства, были враждебны диктатуре, т.к. каждое течение опасалось, что падёт жертвой другого, если случай даст той власть в руки. Война же неизбежно привела к ряду мер, подготовивших диктатуру. Чувство неуверенности и всеобщее недоверие, повсюду чужавшее скрытых врагов, намеревавшихся, упразднить великие завоевания Революции и восстановить старые условия, доделали оставшееся и разбудили в народе веру во временную необходимость диктатуры, чтобы преодолеть кризис. Но как только до того доходит, то решает не умственное превосходство, а жестокость средств, личная подлость и хитрость, и убеждения, на которые доводы морали не влияют.

И именно эти черты идут рука об руку с идеологической ограниченностью и умеренностью убеждений. Т.к. для носителей диктатуры грубое насилие является первым и последним словом самоутверждения, то они никогда не стесняются оправдывать свои дела против измышлений другого толка. Крылатые слова Кавура, что «в осадном положении может править каждый осёл», касаются диктатуры в ещё большем размере, т.к. каждая диктатура является ни чем иным как государством в длительной осаде.

В нормальных условиях всегда есть определённые возможности найти новые пути развития, которые возникают, пока свободная дискуссия о социальных условиях полностью не прекращается тираническими методами. Даже ярые представители политического консерватизма никогда не могут при таких условиях полностью избежать морального влияния демократического устройства общества. Как Римская Церковь была вынуждена постепенно смириться с различными направлениями протестантизма, так и политический и социальный консерватизм должен смириться с определёнными результатами демократического сознания в народе, которые родились из революции против княжеского абсолютизма. Такое примирение с историческими фактами неизбежно в нормальных условиях, т.к. ни революция, ни реакция не могут полностью одолеть врага. Чтобы восстановить общественное равновесие после больших потрясений и сделать общественную работу вообще возможной, постепенно развиваются известные правила, в которых старое и новое незаметно сливаются, и которые со временем выливаются в определённое правовое состояние, которое нельзя просто так в любой момент насиловать, если нежелательно держать общество в постоянном состоянии войны.

Созданное так правовое состояние изменяется в том размере, в котором одна или другая сторона выигрывает или теряет силу в общественной жизни, но его моральное основание остаётся непоколебимым, пока всеобщие общественные отношения сами не станут невыносимыми и не повлекут к революционному изменению существующих условий. Даже если более сильная сторона делает попытки изменить существующее право и изложить его в своём духе, то в мирное время это происходит на основе имеющихся представлений о праве, чтобы избежать крупных конфликтов, посредством которых общественное равновесие может подвергнуться опасности. Даже самый упрямый тори в нормальных условиях не станет выступать за введение княжеского абсолютизма, а будет приспособлять свои стремления к общему правовому положению, чтобы придать им действенность. Он будет, если ситуация покажется ему подходящей, пытаться ограничить влияние определённых свобод и прав, но он не будет ставить сами эти свободы и права под вопрос, с которыми он вынужден примириться, т.к. они составляют существенную часть актуального общественного порядка. Это также является причиной, почему революции не могут вызываться искусственно каждый день, точно так же как и периоды социальной реакции зависят от данных условий. Только с этой точки зрения

можно правильно оценить влияние политических течений на историческое развитие социализма.

IV.

Влияние различных политических течений на развитие социалистической мысли можно точно установить в каждой стране, и оно наложило на социализм каждого народа особенный отпечаток, который заметен в отношении его приверженцев к форме государственной власти. В самом деле, нет такого политического убеждения, от теократии до анархии, которое бы не нашло отражение в социалистическом движении. У великих предтеч социализма было одно общим: то, что они видели в неравенстве экономических условий настоящую причину всех общественных недугов, и стремились донести это до умов своих современников. Сен-Симон и Фурье ещё застали штормы Великой Революции, а так же Оуэн на личном опыте был знаком с непосредственным воздействием той великой исторической драмы на переустройство Европы. Т.е. они пережили непосредственное воздействие Революции, а так же бонапартизм и контрреволюционные устремления периода реставрации, и зачастую оценивали их совершенно по-другому, чем последующие поколения, которые знали те происшествия только по учебникам истории. Т.к. свежие впечатления, которые мы получаем от непосредственно происходящего, как правило, сильно отличаются от тех, что открываются нам в перспективе времени.

Если мы рассмотрим идеи и дела тех первых начинателей социализма в контексте эпохи, в которой они жили, то нам станет понятна их позиция со всеми её сильными и слабыми местами, не вынуждая нас искать убежища в столь же произвольном, сколь нечего не говорящем разделительном понятии «утопического» и «научного социализма». Фактом является, что мужи вроде Сен-Симона, Консидерана, Блана, Видаля и, менее всего, Прудона ни в коем случае не понимали социализм как откровение небес, но оценивали его как естественный продукт экономического развития, и приходили при этом к выводам, через которые не перешагнули и претенциозные представители так называемого научного социализма.

За исключением тех направлений, чьи устремления происходили непосредственно из политического наследия якобинства, коммунистического учения Бабёфа и его «заговора равных», почти все школы старого социализма во Франции и Англии имели общий пункт: они надеялись достичь воплощения своих целей мирными преобразованиями общественных учреждений и воспитанием масс. Некоторые объясняли этот пункт личной нехваткой революционного темперамента, другие – грубым непризнанием «законов социального развития». Обе попытки объяснения являются шаткими уже потому, что совершенно не затрагивают сути дела.

Целый ряд тех так называемых «утопистов» принимал выдающееся участие в заговорах тайных обществ против Бурбонов и играл при этом даже ведущую роль. К ним принадлежали как раз те, которые позднее менее всего ожидали

(изменений) от революционных восстаний. Базар, Леру, Бюше, Кабе и некоторые другие принадлежали к самым активным участникам французской Карбонарии. Некоторые из них уже принадлежали тайному обществу «Друзей правды» (*amis de la verite*). Бюше, который был арестован и представлен суду после неудавшейся попытки восстания 1821 года, избежал смерти только перевесом в один голос. Только его личное знакомство с Сен-Симоном привело его на другой путь. Сен-Симон сам в годы молодости участвовал в восстаниях северо-американских колоний против Англии и сражался под командованием Вашингтона. Поэтому нельзя утверждать, что революционные склонности остались чужды этим мужам. То, что они больше не ожидали успехов от попыток восстания, после внутреннего очищения, которое они пережили через социализм, имело свои причины в новом направлении их мысли и в условиях времени. Они поняли, что корни социального зла лежали слишком глубоко, чтобы до них можно было добраться с помощью простых насильственных мер, ещё меньше можно было ожидать в то время поддержки измученными массами длительных войн и их побочных явлений.

Так, воспитание стало для большинства старых социалистов важнейшим полем деятельности. Болезненный опыт времени научил их, что глубокая перестройка общественной жизни невозможна, пока прежде всего мыслящая часть народа не проникнется новыми идеями и величием задачи, которая перед ним поставлена. Последние слова Сен-Симона его любимому ученику Родригу: «Никогда не забывай, сын мой, что нужно быть исполненным внутреннего восторга, чтобы совершать великие дела!» — были глубочайшим выражением этого знания. Т.к. внешние условия жизни являются только питательной средой, из которой развиваются идеи людей, но сами эти идеи делают людей восприимчивыми к каждому новому изменению их социального существования и создают новые условия жизни.

Ибо так же и вера во всемогущество революции является, в принципе, только самообманом, который уже причинил немало вреда. Даже революции могут только развивать зачатки, которые уже присутствовали и проникли в сознание людей. Но они не могут сами создавать эти зачатки и формировать новый мир из ничего. Революция – это всегда освобождение уже действующих в утробе старого общества новых сил, которые умирают после переустройства социальных форм и, которые, когда приходит время, разрывают старые узы; подобно ребёнку, который по завершении беременности разрывает старые оболочки, чтобы начать собственное существование. Примечательным в сущности революции является то, что обновление социальных условий жизни происходит не сверху, а непосредственным действием широких слоёв населения, без которых настоящее переустройство вообще не было бы возможным. В этом смысле революция всегда является завершением определённого процесса развития и в то же время вступлением к переустройству общества.

Но это омоложение социальной жизни посредством революции мыслимо

только через всё более распространяющееся воздействие новых идей и представлений в утробе старого общества и более или менее решительные действия их носителей. Через всё более явное обличение старых форм жизни и развитие новых моральных и социальных ценностных понятий постепенно возникает новая духовная атмосфера, чьё постоянное распространение всё более подрывает престиж старых общественных учреждений и их представителей, пока, наконец, они не рассыпаются и больше не способны к серьёзному сопротивлению. Первый импульс к грядущему преодолению всегда исходит от духовно подвижного меньшинства, но он только тогда достигает полного развития своих сил, когда охватываются широкие слои населения и стремятся к действию в этом направлении. Сначала это происходит исключительно на уровне чувств, пока неопределённые движения не становятся у большей части народа твёрдыми представлениями и внутренними убеждениями.

Без этого духовного развития широких народных масс революция не мыслима. Оно является первой предпосылкой всякого общественного переворота, которая пробуждает народ и приносит ему сознание своего человеческого достоинства. Чем глубже идеи проникают в массы и влияют на мышление людей, тем сильнее действие революции, тем долговечней следы, которые она оставляет в жизни общества. Поэтому совершенно неверно оценивать революцию просто как насильственный переворот старых общественных форм и вкладывать основное значение разрушительной стороне её действия. Разрушительная сторона революции – это только одно из её побочных явлений, которое зависит почти полностью от уровня сопротивления её противников. Не в том, что она разрушает, а в том новом, что она приносит, и чему она помогала родиться, объявляет о себе её сущность. Это творческие устремления, которые она освобождает от старых общественных форм, которые придают революции её социальное и историческое значение.

Посему революция является много большим, чем простым уличным восстанием, чьи причины обуславливаются всяческими случайностями, чего никогда не происходит при настоящей революции, т.к. она всегда является последним звеном долгого процесса развития, который она завершает насильственными средствами. Там, где эти условия не выполнены, там восстание может, в лучшем случае, вызвать лишь поверхностное изменение внешних властных соотношений и привести к власти новые партии, т.к. народ ещё не готов к более глубокому пониманию и, посему, ожидает всяческих благодатей от нового правительства, как верующий от Божьего провидения.

Насилие само по себе не создаёт ничего нового. Оно может, в благоприятном случае, убрать с дороги старое и пережившее свой век, и открыть пути новому развитию, когда всякая другая возможность этого исключена. Но оно не может вызвать вещи, которые постепенно вызревают и расцветают в головах людей, прежде чем они могут проявиться практически. В этом смысле, насилие в куда большем размере является типичным признаком реакции в истории, которая

пользовалась им, чтобы прекратить всякое творческое действие и ограничить мышление людей определёнными формами. В то время как революция стремилась именно к противоположному и только прокладывала насилием дорогу всем глубоким социальным изменениям.

Насильственный разрыв со старыми формами, которые внутри уже являются отжившими, есть зачастую последнее средство, чтобы помочь новым формам прорваться, но он не имеет ничего общего с «культом насилия» как таковым, который как раз планомерно применяется реакцией всякого рода. Это тоже является причиной, почему каждая революция, когда она выливается в новую систему власти определённых партий, теряет свой настоящий характер и превращается в контрреволюцию. Кто этого не признаёт, может сколько угодно бахвалиться своими революционными убеждениями, он остаётся в глубине своей сущности лишь революционным путчиком, который сознательно или несознательно стоит на стороне контрреволюции. Макс Неттлау придал этой мысли глубоко прочувствованное выражение: «Бабувистско-бланкистская идея насильственного перенятия государственной власти и диктатуры была принята и вне этих осознанно авторитарных кругов без ближайшего рассмотрения; возникла вера во всемогущество революции. Сколь сильно я бы не уважал такие желания и веру, они всё же авторитарного происхождения, по наполеоновски мыслятся и не замечают – что для авторитарных является незначительным – действительного проникновения социального духа, чувства и понимания в отдельные личности. Что оные автоматически установятся при улучшившемся положении – есть дельнейшее несколько общее предположение, для которого установленное террором уравнение при предыдущих авторитарных революциях не обязательно является доказательством».

Большинство великих пионеров социализма, поэтому, ничего не ждали от заговоров и попыток восстаний для своего дела, т.к. некоторые из них были знакомы на личном опыте с бесплодностью таких попыток, а другие извлекли уроки из непосредственных последствий современной истории. Они понимали, что вещи, находящиеся в начальной стадии своего развития и временно обнаруживали духовное воздействие только у меньшинства, нельзя довести насилием до зрелости. Эта мысль была для них тем более ясна, т.к. в их случае речь не шла о простой смене правительства, а о переустройстве всех общественных условий, на которое нельзя было надеяться без духовной готовности широких масс. Это не было ни личной наивностью, ни бесхребетностью убеждений, из чего родились такие соображения, но полная беспомощность одиночек того времени, которое потеряло все социальные связи и знало лишь крики команд и беспрекословное подчинение.

Но именно этих авторитарных влияний времени не смогли избежать и великие первопроходцы социализма, насколько бы их мысли не опередили время. Либеральные убеждения, однажды нашедшие выражение в «Декларации человеческих и гражданских прав», отступили на задний план и уступили

место новому абсолютизму Наполеона, который заступил во владение наследием Революции. Народы снова превратились в стада, чья судьба лежала в руках новых господ, которые придавали её форму и характер. Якобинство освежило веру во всемогущество государства, которое потеряло свой блеск на время Революции. Но Наполеон сделался собственной полнотой власти «механиком, изобретающим машину», как Руссо любил называть законодателя. Чудовищные военные и политические успехи корсиканского завоевателя вызвали по всему континенту целый поток восхищения, который жил и после его свержения. Чудесная вера в «великих героев» истории, которые по своему усмотрению лепят судьбы народов, как пекарь месит тесто, праздновала триумф и замутняла человеческий взгляд на всякое органичное происходящее. Вера во всемогущество авторитета снова стала содержанием истории и нашла своё отражение в трудах Галлера, Гегеля, Де Местра, Бональда и многих других. Выборный лозунг Де Местра: «Без Папы нет государственного суверенитета, без суверенитета нет единства, без единства – авторитета, без авторитета нет веры» стал лейтмотивом этой новой реакции, распространившейся по всей Европе.

Только по рассмотрении времени, в которое дух авторитета праздновал свои самые высочайшие триумфы и не было никакого политического контр-течения, чтобы ослабить чувство полнейшей зависимости. Когда Сен-Симон направил Наполеону своё знаменитое письмо в 1813 году, чтобы подвигнуть его к реорганизации европейского общества, или когда Роберт Оуэн обращался в своём длинном письме к Фридриху Генцу, столь же одарённому, сколь бесхарактерному наёмному писаке «Священного Альянса», чтобы предложить ему, представить конгрессу князей в Аахене (1818) планы по преодолению общественной нищеты, и когда Фурье предпринял похожий шаг с наполеоновским министром правосудия и ждал затем десять лет этого министра, который должен был предоставить ему миллион франков, чтобы сделать возможной практическую попытку осуществления его идей в крупных масштабах.

В 1809 году в Париже вышел в свет двухтомник «La philosophie du Ruvarebohni»^{2*}, относившийся к самым проникновенным произведениям социалистической литературы того времени. Труд содержал целый ряд блестящих наблюдений об основах социалистического общества, которых мы не можем здесь коснуться. Характерным для той книги было то, что её авторы представляли себе освобождение общества великим властителем Полеано, который с помощью научных исследований величайших умов народа Иканарфс помогает случиться величайшему перерождению человечества. Как римский консул Цинциннатус после войны снова возвращается к своему плугу, так и великий Полеано, наконец, добровольно отрекается от власти, чтобы жить как равный среди своих сограждан и наслаждаться с ними плодами своего труда,

² Авторами были, как было выяснено позже, Николас Бунге и Пьер-Игнас Жоне-Спонвиль.

который он проделал так блестяще. Полеано, конечно, это только изменение имени Наполеон, а народ Иканарфс – переименование французов (Francais).

Несомненно, авторы этой примечательной книги были возбуждены многочисленными планами Наполеона, которыми он пытался сломить сопротивление Англии и сделать французскую индустрию первой в мире. Его бесчисленные совещания с мужьями науки, техниками, фабрикантами и представителями капитала, но и с обыкновенными рыцарями удачи, шарлатанами и искателями приключений, стремившихся набить себе карманы, все имели одну цель. При таких условиях, пожалуй, понятно, что наши философы лелеяли надежды, склонить императора к своим планам сделать абсолютизм отправной точкой социализма.

V.

Вера в возможность склонения Наполеона к социалистическому переустройству общества не была, кстати, единичным случаем. Упрёк, что мужи вроде Сен-Симона, Фурье и обоих авторов названного выше труда только потому верили в возможность помощи Наполеона, что были к этому склонны в виду своей нелюбви ко всем революционным попыткам, не является верным, т.к. мы встречаем эти же устремления и в кругах, оставшихся верными наследию якобинства и ожидавших воплощения социалистических планов от революционной диктатуры. Так же Мишель (? – так в тексте, видимо Филипп – ред. сайта) Буонаротти, товарищ Бабёфа, которого Бакунин называл величайшим заговорщиком своего столетия, надеялся на Наполеона и серьёзно верил, что тот призван быть орудием новой революции, чтобы завершить то, что первая революция оставила незавершённым.

Когда Наполеон был изгнан на Эльбу притязаниями европейских держав на власть, его старые союзники в армии объединились с оставшимися якобинцами в тайных обществах против правительства Луи XVIII, к которому Франция была принуждена. Наполеон, имевший тонкое чутьё на логику фактов, чувствовал очень хорошо, что у французской буржуазии, которая хладнокровно дала ему пасть при вступлении армии союзников, искать помощи он не может. Поэтому он был вынужден опираться на низшие народные классы и кормить их великими обещаниями. Когда он 20-ого марта 1815 года вернулся в Тюльери, он посещал пригороды и фабрики, получал от рабочих отчёты об экономическом положении и обещал им, что он решил посвятить остаток своей жизни делу мира, чтобы доказать миру, что он не только «император солдат, но и император крестьян и пролетариев». Старые демократы и бывшие враги императора вошли в новое правительство, чтобы народ понял, что обещанное «царство мира и демократии» имелось в виду серьёзно. Цензура была упразднена, отменено политическое наблюдение за книготорговлей. Его старый враг, Бенжамен Констан, который сидел теперь вместе с Карно в новом правительстве, получил распоряжение составить проект конституции. Это, в действительности, было «временем столпотворения», тот короткий период

«ста дней», нашедший при Ватерлоо столь же скорый, сколь кровавый конец.

Бонапартисты и якобинцы уже при возвращении Бурбонов отказались от старых распрей и занялись восстановлением империи. Политика часто создаёт странных «любовников», но такие союзы, как правило, создаются только тогда, когда определённое сходство интересов служит им фундаментом. На этот счёт было много предположений – как бы выглядело будущее Европы, если бы Наполеон нашёл повод серьёзнее взяться за социальные реформы, которые запланировал. Но едва ли можно предположить, что он сдержал бы свои обещания, даже если бы он не так быстро проиграл своим врагам. Человек с его чертами характера, полностью привыкший к роли провидения в Европе и рассматривавший свою волю как высший закон, был едва ли в силах пойти по другому пути. Не исключено, что он действительно подумывал о серьёзных социальных изменениях. Его старые планы превратить Европу в одну экономическую зону под гегемонией Франции и прочие подтверждают это. Но такая реформа отвечала бы только его сущности: государство термитов на основе казарменной морали, которая удушает всё личное и подчиняет бесчувственному ритму машины, которая делает всех одинаковыми.

Если Фурье и Сен-Симон верили, что могут склонить Наполеона к охватывающим социальным реформам, то это произошло потому, что он воплощал собой, по их мнению, возможность начать развитие новой общественной жизни. Но они надеялись, что серьёзная попытка движения в эту сторону со временем сделает никчёмным политическое и военное основание, на котором покоилась власть императора, и заменила бы их на новые общественные учреждения. Это было психологическим просчётом, который, тем не менее, можно объяснить политическими и социальными условиями времени.

Иначе нужно оценивать позицию Буонаротти и его более поздних коммунистических последователей в тайных обществах Франции. Между ними и Наполеоном наблюдалось сущностное родство, о котором они, кстати, никогда не подозревали. Буонаротти, принадлежавший некогда кругу Робеспьера, с той же истовостью верил во всемогущество диктатуры, что и Наполеон, которому ничто не казалось невозможным, пока армия стояла за ним. Он так же считался с людьми как с цифрами, и если Наполеон был твёрдо убеждён в том, что может насильем сломить любое сопротивление, то Буонаротти и его приверженцы верили, что можно вынудить людей революционным террором к счастью. Наполеон, собственно, продолжил в большем масштабе то, что начали Робеспьер и его последователи – централизацию всех отраслей общественной жизни. Т.к. он тоже был, в принципе не наследником Революции, которая провозгласила человеческие права, а всего лишь наследником якобинства, которое сделало те права смиренной рубашкой и объясняло их трактовку гильотиной.

В политической жизни крайности часто соприкасаются, но они сходятся только тогда, когда есть общие пункты притяжения, стремящиеся в данных

условиях в одном и том же направлении. Все реформы Наполеона происходили из атмосферы казармы. Уравнительный коммунизм Бабёфа, Буонаротти и всей последующей бабувистской школы покоился на тех же идеях. Это родство мышления и чувства создаёт такие союзы. Союз якобинцев с бонапартистами во время Реставрации, союз с Бисмарком, которого искал Лассаль и не мог найти только потому, что не имел за собой равной силы, альянс между Сталиным и Гитлером, ставший непосредственной причиной последней мировой войны, можно понимать только так. Во всех случаях речь идёт об определённых проявлениях того же самого абсолютистского принципа в разных формах. Кто не углубляется в эти взаимосвязи, тот ничему не может научиться из истории.

Вся бабувистская школа социализма, нашедшая представителей в таких людях как Барбе, Бланки, Тесте, Войе д'Аржансон, Бернар, Мейлар, Неттре и прочих, и развила деятельность в тайных союзах «Общества семей», «Общества времён года», была вполне автократичной в своих устремлениях. По тайному отчёту, который был принят во всех секциях обществ в 1840 году, комиссия из трёх человек должна была организовать будущее восстание и после победы выступить в роли тайного правительства. Эта диктаторская организация должна была избираться не народом, а самими заговорщиками. Правительство должно было перенять управление индустрией, сельским хозяйством и распределением продуктов. Чтобы создать во всех одинаковое отношение к государству, детей следовало отнимать у родителей в раннем возрасте и воспитывать в государственных учреждениях. Пример тоталитарного государства был, таким образом, разработан социалистами. А идея Ленина о «профессиональных революционерах» является только копией «революционного генерального штаба» Бланки. «Монархистская идея», которой Прудон объявил войну, засела намного глубже, чем многие могли предполагать, и ещё не утратила своего влияния, как показывают нам события во всём мире. Так же социалистические школы Этьена Кабе, Луи Блана, Константина Пеккера и других полностью пропитаны абсолютистскими идеями. Только у Фурье и его приверженцев можно найти множество свободолобивых идей и сознательные федералистские устремления. Но английский социализм старой школы и позднее был исполнен более вольным духом, т.к. великие либеральные течения мысли оказывали на его представителей куда более сильное влияние, так же, как в Испании, где федералистское наследие имело в народе сильные корни и развило анархистский социализм в массовое движение. То же самое относится и к Италии, где учение Пизакане и вольного социализма было постоянно действенным противовесом к авторитарным стремлениям того времени.

Среди социалистов старой школы мы находим зачастую не просто враждебность против всех либеральных устремлений и явное кокетство с идеями политического абсолютизма, но и теократические отклонения, которые происходят напрямую из представлений римского католицизма. Это в особенности касается сенсимонистов и последователей так называемого теософского

коммунизма. Между учением Сен-Симона и социальными представлениями сенсимонистской школы есть различие, которое зачастую больше невозможно преодолеть и можно назвать только вырождением изначальных идей учителя. Среди великих первопроходцев социализма Сен-Симон с уверенностью был одним из выдающихся умов, который своими мыслями оплодотворил все последующие социалистические движения, от марксистов до анархистов. Его обширные познания, его необыкновенная историческая наблюдательность принесли ему звание одного из самых значительных мыслителей своего времени, которое никто не сможет оспорить. Его называли «фаустовской» натурой по праву, ибо он стучался в некоторые потаённые двери, и вечная жажда всё более глубоких познаний составляла всю сущность его странной жизни, которая в своем захватывающем своеобразии так богата трагическим величием.

Сен-Симон никогда не выводил определённой теории по решению социальных проблем, он никогда не блуждал в абстрактных представлениях, как большинство его учеников. Его выдающееся умственное превосходство заметно уже потому, что он потянул за собой целый ряд значительных умов своего времени. Огюстен Тьерри, французский историк, минеролог Ле Плей, Огюст Конт, основатель «философии позитивизма», правовед Лерминье, будущий министр просвещения Л.-И. Карно, композиторы Леон Галеви и Ф. Давид (Леон Галеви – поэт, композитором же был его брат Жак – ред. сайта), инженеры Барро, Мони и Лессепс, будущий строитель Суэцкого канала, национальные экономисты и финансисты Мишель Шевалье, Адольф Бланки, О. Родриг, Эмиль Перейра, люди, сыгравшие в последующем социалистическом движении выдающуюся роль как С.-А. Базар, Б.-П. Анфантен, П. Леру, Ж. Рейно, Ф. Бюше и многие другие – они все вышли из школы Сен-Симона или находились под его сильным влиянием. Так же Генрих Гейне и романистка Жорж Санд находились под впечатлением от его учения. Только очень большой ум мог оставить такое сильное и долгое впечатление.

Настоящее величие Сен-Симона заключается в его блестящей оценке новых экономическо-политических условий, вылившихся из французской революции, и его глубоких убеждениях о значении современной промышленности, которую он по праву считал одним из решающих факторов в политическом и экономическом развитии европейского общества. При этом промышленность была для него не просто материальным, но и духовным явлением, т.к. посредством её дух побеждал материю и в то же время этическую оценку жизни, которая была неизвестна старому обществу, ценность человеческого труда.

Сен-Симон был одним из первых великих социальных философов, которые проводили чёткую границу между политической организацией государства и естественным зданием общества, и пытались определить сферы влияния обоих. В своей книге «О промышленной системе» (1821) он называл причинами Великой Революции государственное попечительство и регулировку

промышленности и делал из этого вывод, что главную область деятельности всей человеческой деятельности нужно искать не в политических формах правления, а в экономических и общих условиях времени. Пока человечество не вышло из фазы детства, попечительство правительства было естественным институтом, которое было обусловлено самими условиями, как попечительство родителей над ребенком. Но как взрослый человек больше не нуждается в этом попечительстве и со зрелостью своей личной ответственности сам строит свою собственную жизнь, так и человечество постепенно преодолет опеку правительства и научится стоять на своих ногах. «Искусство править людьми исчезнет, чтобы уступить место новому искусству, искусству управлять вещами».

Время общественной зрелости наступает по Сен-Симону с возникновением промышленности. Она освободит людей не только от проклятия нищеты, но и от необходимости правления. Но его ученики совершенно не знали, что делать с этой светлой мыслью мастера, которую Прудон принял и развил дальше с такой готовностью. Они стали не только носителями нового католицизма, но и духовными представителями новой иерархии, которую они назвали сенсимонистской церковью. То, к чему они стремились, было общественной теократией, в которой представители искусства, науки и труда должны были стать новыми кастами государства. В отличие от остальных старых течений социализма, сенсимонисты были противниками республики, т.к. видели в республиканской форме государства выражение внутреннего разногласия. «Республика», говорил Родриг, «невозможна! Она никогда не будет осуществлена. Даже имя её исчезнет и будет вытеснено Ассоциацией. Ошибочно полагать, что сенсимонизм является республиканским».

Когда представители либеральной школы хотели предотвратить злоупотребление общественной властью разделением полномочий и, в особенности, разделением законодательной и исполнительной властей, то сенсимонисты усматривали в разделении раскол общественных сил, который должен был привести к разложению общности. К чему они стремились, было объединением всех политических и социальных полномочий в одной персоне. «Глава государства является одновременно законодателем и судьёй. Он устанавливает рамки общественного порядка и решает об их применении. Он – живой закон, орган, из которого исходит вся хвала и хула».

Т.к. по убеждению сенсимонистов материальное бытие людей тесно связано с религией, то над всеми подразделениями экономической и социальной жизни поднимается новая церковь как синтетическое обобщение и органичное единство. Поэтому всё управление обществом покоится в руке священника, т.к. церковь больше не является учреждением общества, но самим обществом. Весь общественный порядок построен на трёх великих принципах «любви, мысли и силы», которые представляются тремя сословиями художников, учёных и работников и составляют иерархию общественной жизни. В такой общности нет

места особым личным интересам, индивидуальное исчезает вообще, чтобы раствориться в организме общества. Священники являются посредниками во всех общественных отношениях. Они решают не только обо всех делах духовной жизни, но указывают каждому члену общества его место и заботятся об общественном равновесии при помощи справедливого распределения общих продуктов труда.

«Всемирная ассоциация рабочих» сенсимонистов носит характер социальной теократии, на вершине которой стоит промышленный Папа, чьим указаниям все беспрекословно подчиняются, т.к. они являются для всех одинаково обязательными. Она является моделью тоталитарного государства, которое удерживает все проявления жизни в нужном русле и заботится о том, чтобы каждый получил часть того, что ему причитается по его социальному положению и рангу. Представление о социальной церкви как о живом символе человеческого братства, в котором каждому есть место, на которое тот должен встать, чтобы помочь обществу, было политическим идеалом сенсимонистов, которые сознательно или несознательно сходились в нём с представителями абсолютистского авторитарного принципа. И их организация носила теократический характер новой церкви. Она управлялась «святой коллегией», на вершине которой стояли Базар и Анфантен как «высочайшие священники». У ассоциации были общины, епископства и епископские резиденции в Париже, Тулузе, Анжере, Лионе, Меце, Блуа, Бордо, Лиможе, Туре, Дижоне и ряде других городов, и она находила так же за рубежом, особенно в Бельгии, действенных представителей. Особенно после смерти Базара, когда Анфантен стал единственной главой, «отцом» новой церкви, религиозная истовость его последователей принимала зачастую характер, который сегодня сложно понять. Так, Рейно писал ему с Корсики: «Поцелуй моего отца даст мне силу, слово – красноречие. Я вкладываю всё доверие в моего отца, ибо я знаю, что он знает своих детей лучше, чем они сами. И всё же, почему я дрожу, когда чувствую его близость?» И Барро, один из самых блестящих ораторов и апостолов новой церкви, писал Анфантену: «Отец, ты посланник Бога на Земле и царь народов! Иерусалим видел своего Христа и не узнал его. Париж видел твоё лицо и слышал твой голос. Франция знает твоё имя».

Несомненно, Анфантен раздувал эту душную религиозную истовость, чтобы придать своему влиянию духовную основу, о которую должны были разбиваться доводы разума здорового человеческого ума. Сравнивая с этим жесты политической церкви современного коммунизма, чьи слепые последователи всегда готовы по высочайшему указанию клеветать на всё, чему ещё вчера они радовались, нам многое станет понятно, что часто казалось нам таким странным при изучении тех минувших времён. Но культ Сталина в наши дни покоится на тех же представлениях.

VI.

Влияние абсолютистских течений мысли на развитие мира социалистиче-

ских идей в самом начале периода их развития было роком, даже если его причины кажутся нам объясняемыми условиями того времени. Но во Франции была не только якобинская и авторитарная традиция, но и Великая Революция оставила свои следы в мышлении людей, которые остались навсегда и постоянно предлагали новые поводы для возможного развития. И если даже неоспоримо, что определённые направления французского социализма опирались на политический и клерикальный абсолютизм, то эти устремления находили действенный противовес в историко-философских наблюдениях Сен-Симона, в федеративной идее ассоциаций фурьеризма и его учении о «привлекательном труде» и, в особенности, в огромном влиянии анархистской философии общества Прудона.

Но дела в Германии обстояли совершенно иначе, где отсутствовало всякое революционное наследие, где либерализм всегда был бессильным эрзац-продуктом своего английского примера, а идеи буржуазной демократии никогда не пускали корней в народе. Германия оставалась до конца Первой мировой войны полуабсолютистским государством, и все победы социал-демократии на выборах не могли ничего изменить в этом историческом факте. Самые начала социалистического движения в Германии были привнесены из Франции, но т.к. его первые представители почти без исключений вышли из школы Гегеля и Фихте, то их убеждения с самого начала получили особенный окрас, который существенно отличает их от всех остальных социалистических течений в Западной Европе. Гегель, «философ прусского государства», как его по праву называли, сделал государство «Богом на Земле», а Фихте в своём сочинении «Закрытое торговое государство» создал наброски государственно-социалистического общества, которые могли бы служить каждому тоталитарному государству в качестве примера. Когда Фридрих Энгельс в своём сочинении «Развитии социализма от утопии к науке» объявил: «мы, немецкие социалисты горды тем, что происходим не только от Сен-Симона, Фурье и Оуэна, но и от Канта, Фихте и Гегеля», то он только подтвердил этот факт. Придал ли это факт немецкому социализму действительно умственное превосходство, которое ему приписывает Энгельс, это, конечно, вопрос отдельный.

Агитация Фердинанда Лассалья проложила дорогу современному рабочему движению. Его влияние на движения было всегда заметным и было особенно сильным перед Первой мировой войной и после Ноябрьской революции. Лассаль всю свою жизнь был фанатичным приверженцем гегельянской государственной идеи. Его последователи были так твёрдо убеждены в «освобождающей миссии государства», что их вера в государство иногда принимала гротескные формы. За границей часто считают, что Германия это самая марксистская страна в мире, и варварская борьба Третьего Рейха против «марксизма» многих в этом уверила ещё больше. На самом деле, всё совсем иначе: политическая позиция немецкой социал-демократии находилась под большим влиянием Лассалья, чем Маркса и Энгельса. От него немецкие социал-

демократы унаследовали истовую веру в государство и большую часть её авторитарных тенденций. От Маркса они переняли лишь экономический фатализм, веру в непреодолимую силу экономических условий и терминологию понятий.

Лассаль не был просто авторитарен в своих идеях, он в самой своей сущности был одним из тех прирождённых аристократов, пронизанный своей собственной безошибочностью так, что они воспринимают всякое противоречие не иначе как грех против «духа святого». Он вполне сознательно утвердил в головах своих немногочисленных последователей веру в свою «историческую миссию», что они с восторгом смотрели на него как на нового Мессию, несущего в своих руках избавление. Окрылённые этим духом, «Новый социал-демократ», печатный орган школы Лассаля, писал: «Но почему мы так воодушевлены, так энергичны? Да, почему почти все лассальянцы окрылены пылающим фанатизмом? Потому что учение Лассаля является безошибочным, и потому что лассальянцы, которые её же провозглашают, должны считать себя никогда не ошибающимися в этом отношении. Учение Лассаля – единственно верное; оно безошибочно и вера в это двигает горы. Без твёрдой веры в своё учение, первые христиане не могли бы проливать кровь за неё; без безошибочности той религии, она не могла бы стать известной как религия. И без лассальянской веры социализм никогда не пустит такие корни, которые смогут однажды нести древо счастливых людей».

Сравните с этими излияниями истового верования постоянные призывы к «необходимости фанатизма» в речах Гитлера, и станет понятно, что оба выросли на одном и том же дереве. Лассаль обладал всеми чертами диктатора, ему не хватало только обстоятельств, из которых выходит диктатура. Вся его организация была приспособлена к диктатуре, несмотря на все демократические приукрашивания. Он был выбран «Всеобщим немецким рабочим союзом» на пять лет президентом с диктаторскими полномочиями, и развил так называемый «принцип вождизма», ставший краеугольным камнем Третьего Рейха, с удивительной последовательностью. Так, он заявил в своей знаменитой речи в Ронсдорфе в мае 1864 года: «О другом весьма интересном элементе нашего успеха я тоже должен сказать. Это решительный дух строгого единства и дисциплины, который царит в нашем объединении! И в этом смысле, прежде всего в этом смысле, наше объединение является эпохальным и совершенно новым явлением в истории! Этот огромный союз, простирающийся на почти все немецкие земли, движется и действует с решительным единством индивида! Меня знают лично в очень немногих общинах или я лично был в очень немногих, и темнее менее, я никогда не слышал, от Рейна до Северного моря и от Эльбы до Дуная, слова Нет, и в то же время, авторитет, который вы доверили мне, покоится на вашей же добровольности! . . . Куда бы я ни пришёл, я везде слышу слова рабочих, обобщаемые одним предложением: Мы должны сковать из всей нашей воли один огромный молот и дать этот молот в руки человеку, чьёму уму, характеру и доброй воле которого мы можем доверять,

чтобы он мог этим молотом ударить»!

Либеральное понятие государства, которое признавало за государством только полномочие защищать свободу своих граждан и страны против врагов внутри и снаружи, Лассаль называл «идеей ночного сторожа». И в этом смысле он мыслил как гегельянец. «Если бы буржуазия хотела бы последовательно додумать до конца», говорил он, «то ей пришлось бы признать, что по этой логике, если бы больше не было воров и грабителей, государство стало бы совершенно никчёмным». О такой идее – и этим он отличается от Маркса – Лассаль не хотел и слышать. Для него государство было и оставалось «моральным законом» Гегеля, «который имеет функцию довести это развитие до свободы, это развитие человеческого рода до свободы».

Именно это исторически абсолютно неверное убеждение заставило его искать союза с Бисмарком. Заигрывание Лассаля с «социальным королевством», которое «опирается на рукоять меча» и могло бы исполнить великую задачу, «если оно готово преследовать по-настоящему великие, национальные и общенародные цели», оно было и поводом для прессы Германской Партии Прогресса упрекать Лассаля и его последователей в том, что они работают на Бисмарка. Для этих обвинений, к слову, нет никаких материальных доказательств. Позиция Лассаля объяснялась методом его мышления. Он не работал на Бисмарка, но он верил, что может использовать Бисмарка для своих целей, именно в этом заключалась опасная сторона его смелой игры, ибо как раз Бисмарк мог «опираться на рукоять меча», а не Лассаль. Его биограф, Эдуард Бернштейн, назвал тогда высказывания Лассаля «языком цезаризма», и тем более по праву, когда тот дошёл до того, что назвал прусскую конституцию «милостью, предоставленной королевством буржуазным классам». В такой стране как Германия, подобное признание так называемого «демократа» было вдвойне роковым.

Лассаль был весьма одарённым человеком, и как он сам однажды сказал о себе, вооружён «всем умственным арсеналом своего столетия». Но многие высказывания в его речах и сочинениях, некоторые письма Софии Солнцевой и графине Гацфельд и многое другое указывают на то, что для этого необыкновенного, обожаемого как полубог многими немецкими рабочими, человека личное тщеславие было истинным мотивом действия. Поэтому нельзя сказать, где бы он очутился, если бы пуля венгерского аристократа фон Раковица не положила его жизни преждевременный конец. Это почти болезненное тщеславие становится заметно ещё в его ранней молодости. Так, он писал после представления «Заговора Фиеско в Генуе» Шиллера, на котором он побывал, примечательные слова: «Я не знаю, не смотря на то, что всё ещё придерживаюсь революционных демократическо-республиканских убеждений, но чувствую, что на месте графа Лаванья поступил бы так же и не стал бы удовлетворяться тем, что стал бы первым гражданином Генуи, а протянул бы руку к диадеме. Из этого следует, если рассмотреть дело при свете, что я просто эгоист. Был бы

я рождён принцем или князем, я был бы душой и телом аристократ. Но так как я простой сын мещанина, я стану демократом». Даже у идолов есть теневые стороны, если рассматривать их при свете. У Лассаля их было множество.

* * *

Влияние Маркса на немецкое рабочее движение было другим. Маркс не был зажигательным оратором, как Лассаль, который мог влиять непосредственно на своих слушателей живым словом. Его мысли выходили далеко за границы понимания даже самых интеллигентных рабочих, и должны были быть им популярно представлены из вторых рук. К тому же он почти всю свою жизнь за рубежом, в то время как Лассаль действовал в Германии и мог, поэтому, лучше судить о непосредственных необходимостях своей пропаганды. Кроме того, в их учениях была целая масса существенных разногласий, которые выражались в особенности в их отношении к государству. Маркс так же исходил из определённых абсолютных представлений, тем, что он сводил развитие общественного развития к неизбежным необходимостям, которые обуславливались условиями производства эпохи.

«Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовных жизненный процесс вообще», как он писал в своём знаменитом вступлении к «Критике политической экономии». Маркс был твёрдо убеждён, что он напал на след законов развития буржуазного общества. Он изо всех сил старался обосновать так называемые законы социальной физики как «чистые» и «абсолютные», так, когда он обозначает в первом томе «Капитала» так называемую аккумуляцию капитала как «абсолютный и всеобщий закон», по которому «богатство нации соответствует её населению, а её нищета её богатству». Как ученик Гегеля он представлял себе этот процесс развития как трилогию происходящего, которая с железной необходимостью сама по себе выливается из экономических условий жизни. Так, мы читаем в первом томе «Капитала»: «Исходящее из капиталистического образа производства капиталистическое присвоение, потому и капиталистическая частная собственность, есть первое отрицание индивидуальной, покоящейся на собственном труде собственности. Но капиталистическое производство создаёт с необратимостью природного процесса своё собственное отрицание. Это есть отрицание отрицания. Она не восстанавливает частную собственность, но индивидуальную собственность на основании завоеваний капиталистической эры: кооперации и общественного владения землёй и произведёнными самим трудом средствами производства».

Это механическое и фаталистское видение исторического процесса, которое выдаётся здесь за абсолютную правду, оказало с растущим влиянием германского движения на социалистические устремления всех других стран парализующее действие на формирование социалистической мысли, хотя Маркс и надеялся на преодоление всех властно-политических полномочий государства с дальнейшим развитием экономического процесса. Именно в этом отноше-

нии он существенно отличается от Лассалья, остававшегося всю жизнь в своём отношении к государству старо-гегельянцем. Как было сказано ещё в «Коммунистическом манифесте»: «Когда по ходу развития исчезнут все классовые различия, и всё производство сконцентрируется в руках ассоциированных индивидов, общественная власть потеряет политический характер. Политическая власть в собственном значении слова является организованным насилием одного класса для подавления другого. Когда пролетариат необходимо объединится в класс в процессе своей борьбы против буржуазии, сделает себя посредством революции правящим классом, и как правящий класс насильственно отменит старые условия производства, то вместе с этими условиями производства он отменит и условия существования классового противоречия, классы вообще, и тем самым свою собственную власть. Место старого буржуазного общества с её классами и классовыми противоречиями займёт ассоциация, где свободное развитие каждого является условием свободного развития всех».

Даже в исполненном ненависти обличительном сочинении «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих», который Маркс написал вместе с Энгельсом и Лафаргом против Бакунина и свободолюбивого крыла Интернационала, ещё раз повторяются слова, уже встречающиеся в известном неофициальном циркуляре «Мнимые расколы в Интернационале»: «Все социалисты понимают под анархией следующее: как только достигается цель пролетарского движения – упразднение всех классов, власть государства исчезает, которая служит тому, чтобы подавляющее работающее большинство оставалось под гнётом менее многочисленного меньшинства, и правительственные функции превращаются в простые управленческие функции».

Политическая цель, стоявшая перед глазами Маркса, была, несомненно, исключением государства из жизни общества. В этом смысле он был полностью под влиянием идей Прудона. Только в способе, каким должна была достигаться эта цель, он принципиально отличался от Бакунина и так называемых неавторитарных федераций Интернационала. Бакунин и его друзья отстаивали идею, что социальный переворот должен уничтожить вместе с институтами экономической эксплуатации и политический аппарат власти государства, чтобы сделать возможным беспрепятственное развитие социальной жизни. Но Маркс хотел использовать государство в форме «диктатуры пролетариата», чтобы практическим путём достичь социализма и упразднить классовые противоречия в обществе. Только после того, как исчезнут классы, за ними должен был последовать и государственный аппарат, уступив место управлению делами. Противоречие между этими двумя мнениями и попытка Маркса и его последователей в генеральном совете вынудить федерации Интернационала принять централизованную форму организации и обязать их о определённой политике, была истинной причиной, которая позже привела к расколу

и внутреннему разложению великого объединения рабочих.

Кто был прав в том споре, сегодня показала история. Эксперимент большевиков в России ясно показал, что через диктатуру можно прийти к государственному капитализму, но никогда к социализму. И общество без собственников может создать рабство для народа. Диктатура может упразднить старые классы, но она всегда должна искать убежища в правящей касте своих союзников и разрешить ей преимущества, которыми не обладает народ. Диктатура как «средство к освобождению» всегда становится по логике обстоятельств инструментом репрессии и замещает старые формы рабства новыми. Так и «диктатура пролетариата» в действительности является только диктатурой над пролетариатом, даже если она задумана как временная мера или переходный период. Ибо «всякое временное правительство имеет тенденцию становиться постоянным», как предсказывал Прудон с глубоким пониманием дела. То, что это понимание было куплено таким количеством крови и слёз, и обманутых надежд, это, конечно, является одной из самых трагичных сторон истории. 20 июля 1870 года Маркс писал Энгельсу показательные для его личности и духа слова: «Французам нужна порка. Если победят прусаки, то с ними и централизация государственной власти, полезная для централизации немецкого рабочего класса. Немецкое превосходство перенесёт затем и центр западноевропейского рабочего движения из Франции в Германию, и стоит только сравнить движения с 1866 года до сих пор, чтобы заметить, что немецкий рабочий класс превосходит французский по теории и организации. Его превосходство на мировой арене над французским было в то же время превосходством нашей теории над теорией Прудона и т.д.»

Маркс был прав. Победа Германии над Францией была в действительности поворотным моментом в истории Европы и интернационального социалистического движения. Вольный социализм Прудона был оттеснён новым положением на задний план и должен был уступить место авторитарным до мозга костей идеям Маркса и Лассаля. Живая, творческая и безграничная возможность развития социализма была вытеснена на последующие 50 лет закоренелым догматизмом, который претенциозно выступил как новая наука, в действительности же покоясь лишь на сплетении теологических выдумок и фаталистских, неверных выводов, которые копали каждой истинно социалистической мысли могилу. В самой Германии эта мания величия принимала зачастую весьма гротескные формы. Предводители чувствовали себя первоходцами «научного социализма» и «учителями международного рабочего движения». При этом, совершенно забывая, что Германия Бисмарка была полудеспотическим военно-полицейским государством, которому ещё предстояло завоевать то, что чем давно обладали западноевропейские государства, и о чём в стране парадных маршей, полицейского беспредела и падального подчинения даже не мечтали.

Что рабочие, не имевшие ни малейшего революционного наследия и знав-

шие социалистическую мысль только в форме марксистского экономического фатализма и слепой веры в государство Лассаля, могли стать первопроходцами всеобщего социалистического движения, стало для социализма роковым, как и политика Бисмарка для Европы. Мой незабвенный друг, поэт Эрх Мюзам, убитый нацистами в лагере Ораниенбург, придумал для этой странной тенденции слово «бисмарксизм», самое лучшее и точно обозначение, которое можно было найти.

* * *

Большая политическая перестановка сил, начавшаяся в Европе после немецко-французской войны 1870-71 гг., должна была так же отразиться и на социализме. На место социалистических идейных групп и экономических боевых организаций, в которых прогрессивные части первого Интернационала видели ячейки будущего общества и естественные органы переустройства экономики в социалистическом стиле, заступили современные рабочие партии, которые считали основным полем деятельности не завоевание земли и промышленных предприятий, а на захват политической власти. Так, в течение лет развилась совершенно новая идеология. Социализм всё больше терял характер нового культурного идеала, который должен был духовно готовить и практически сделать народы способными к смене капиталистической цивилизации и поэтому не останавливался перед границами национального государства.

В головах вождей этой новой фазы движения заботы национального государства смешивались с заботами партии, пока они вообще не потеряли возможность провести определённую границу, и не привыкли видеть социализм через очки так называемых «национальных интересов». Так, не могло не случиться, что современное рабочее движение постепенно включилось в структуры национального государства и сознательно или несознательно поддерживало властную политику правительств. Было неверным оценивать это странное изменение позиции просто как предательство вождей, как это часто делается. На самом деле речь шла о постепенном вращении в мир идей старого общества, которое было обусловлено практическим действием сегодняшних рабочих партий и необходимым образом повлияло на мировоззрение их политических носителей. Те же самые партии, которые когда-то собирались под флагом социализма завоевать политическую власть, были всё более и более оттесняемы логикой обстоятельств на позиции, на которых они должны были жертвовать своими социалистическими убеждениями в пользу национальной политики государства. Они хотели достичь социализма национальной политикой, но всё, что они смогли достичь, это то, что национальная политика покорила их социализм.

Люди как загнипнотизированные смотрели на выдающиеся успехи немецкой социал-демократии на выборах и восхищались могущественной партийной машиной, которую она построила, но забывали, что, несмотря на все эти успехи, в немецкой действительности ничего не изменилось ни на йоту. Железная

централизация партии и казарменная дисциплина, которую она подсмотрела у прусского государства, удушали всякую живую инициативу. Организация, которая должна была быть только средством для достижения цели, стала самоцелью и убила дух, который только и мог дать живое содержание. То, что это не преувеличение, ясно только из одного примера: когда после свержения Бисмарка новый рейхсканцлер фон Каприви, назначенный кайзером, открыто признал усердие социал-демократических солдат в немецкой армии, самый популярный вождь партии, Август Бебель, ответил ему: «Это меня совершенно не удивляет и только доказывает, что господа правые и правительство имели о достоинствах социал-демократов неверное представление. Я даже думаю, что готовность, с которой именно мои однопартийцы подчинились предписаниям дисциплины, является влиянием дисциплины, которой их научила жизнь. Т.е. социал-демократия является, в определённом смысле школой милитаризма».

Можно ли после такого высказывания ещё удивляться тому, что немецкая революция 1918 года так позорно провалилась, и что газета «Вперёд» ещё накануне 9 ноября уверяла своих терпеливых читателей, что немецкий народ ещё не созрел для республики? Никто не упрекает немецких социал-демократов, что они не пытались, когда после войны политическая власть, к которой они так стремились, упала, как спелый фрукт, им в ладони, ввести в Германии социалистическое общество. К этому немецкий народ, после всего воспитания, которое он получил, был действительно не готов. Но кое-что было в руках первого чисто социалистического правительства после войны: оно могло сломить проклятую мощь прусского юнкерства в Германии, тем, что оно наложило бы руку на крупные земельные владения, на которых покоилась политическая власть юнкеров. Буржуазные революционеры французской революции, не ведомые социалистическими идеями, хорошо поняли, что они могут избавить Францию от политической власти аристократии и духовенства только тогда, когда они экспроприировали благородных землевладельцев и лишили их, тем самым, их политического влияния. Только немецкие социалисты не подумали об этой мере, которой можно было привязать мелкое крестьянство к республике, которое стало потом злейшим их врагом. Результатом было, что позднее два прусских юнкера, сын Гинденбурга и Франц фон Папен, передали власть Гитлеру в руки. О том, чтобы прикоснуться к имуществу германских князей, и не думали. В то время как полуголодные массы всё глубже увязали в нищете, республиканское правительство перечисляло бывшим князьям сказочные суммы в виде «извинения», а услужливые суды заботились о том, чтобы эти паразиты не потеряли ни пфеннига. Только Гогенцоллерны претендовали на возмещение в размере двухсот миллионов золотых марок. Претензии всех немецких князей превышали доусовские кредиты в четыре раза. Если бы вожди немецкого рабочего движения занялись состояниями и привилегиями юнкеров хотя бы в половину так серьёзно, как нацисты, укравшие у рабочих их

кассы и прочее имущество, исчислявшееся миллионами, то Германия была бы избавлена от ужаса Третьего Рейха, а мир от самой кровавой катастрофы всех времён. Но Коммунистическая партия Германии кормилась только ошибками и недоделками социал-демократии, не развивая самостоятельно творческой мысли. Она никогда не была чем-то другим, кроме как безвольным органом российской внешней политики и подчинялась, не махнув ресницей, всякому диктату Москвы. В этом смысле она развила веру в неизбежность диктатуры в той части социалистических рабочих, которые уже утратили доверие к социал-демократии. Она развила в особенности среди молодёжи беспримерный фанатизм, который делал её слепой и глухой ко всякой здоровой оценке положения. Её громкий протест против реакционных мер правительства с самого начала носил метку нечестности и лицемерия, т.к. нельзя с честным сердцем защищать свободу, когда стремишься к диктатуре, т.е. к упразднению всякой свободы. Каждая цель воплощается в своих средствах. Деспотизм методов всегда происходит от деспотизма мысли. Диктатура, к которой немецкие коммунисты стремились на протяжении лет, свершилась, хотя и пришла с другой стороны и они сами попали под колёса.

Вне сомнений для каждого честного наблюдателя сегодняшнего положения и причин, которые к нему привели, является то, что жонглирование абсолютистскими понятиями в социалистическом лагере подорвало не только силу сопротивления социалистического движения во многих странах и, в особенности, в Германии. Но оно оказывало и оказывает духовную поддержку фашистской реакции: **ибо социализм будет свободным, или его не будет!**

Перевод с немецкого: Ndejra

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

20 сентября 2014

Рудольф Роккер

Абсолютистские представления в социализме

1950

(Absolutistische Gedankengänge im Sozialismus, 1950)

Сохранено 19 сентября 2014 года из: <http://archive.today/mUqc4#selection-29.0-41.1>